

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кудер

Тени мертвецов: Рассвет надежды

«Автор»

2026

Кудер

Тени мертвецов: Рассвет надежды / Кудер — «Автор», 2026

В 2023 году мир погружается в хаос после того, как неизвестный вирус превращает Санкт-Петербург в царство смерти. Заражённые восстают из мёртвых, превращаясь в кровожадных существ, а эпидемия молниеносно распространяется по планете. Артём Семёнов, молодой выживший, ведёт хронику падения цивилизации. Его путь пролегает через пустоши, населённые ожившими мертвецами, и руины былой жизни. Вместе с группой выживших — Катей с детьми, отважным Сашей, сильной духом Таней и мудрым Кириллом — он ищет спасение в мире, где каждый день может стать последним. После множества испытаний группа находит оплот человечества — поселение Каргатское, где более двух тысяч выживших создали новый мир. За стенами убежища кипит жизнь: работают фермы, функционирует школа, теплится надежда. Но цена выживания высока — каждый день стражи защищают стены от орд заражённых. Это история о человечности в эпоху тьмы, о вере в будущее как последнем оружии против отчаяния.

© Кудер, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Начало	5
Глава первая. Тени прошлого	6
Глава вторая. Новый свет	12
Глава третья. Новые лица. Новый дом	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кудер

Тени мертвецов: Рассвет надежды

Начало

Меня зовут Артём Семёнов. Я помню, как всё началось. Это случилось в 2023 году — с неизвестной болезни.

Сначала были лишь новости о вспышке неведомого вируса в Петербурге. В то время я находился в Москве и наблюдал за происходящим лишь через экран телевизора. Картины были тревожные: пустые улицы, закрытые аптеки, суетящиеся медики в защитных костюмах. Но тогда это казалось далёкой угрозой — чем то, что происходит «не со мной».

Через три дня после вспышки пришло шокирующее сообщение: погибшие от вируса возвращались. Но уже не как люди — а как твари. Кровожадные, голодные, озлобленные. Ими двигали лишь два инстинкта: убивать и пожирать. Укушенные ими вскоре умирали и восставали такими же — бездушными монстрами, лишёнными всего человеческого.

Вирус не щадил никого. Он коснулся и животных: собаки, кошки, и даже птицы — все превращались в агрессивных тварей. Петербург, мой родной город, стал эпицентром этой катастрофы.

Я пытался вернуться туда — к семье. На машине, на поезде, даже пешком. Но каждый раз на пути вставали непреодолимые барьеры. Военные закрыли город: никого не пускали внутрь и не выпускали наружу. Я стоял на окраине, смотрел на знакомые силуэты домов и понимал: я больше никогда не войду туда.

Через месяц город был уничтожен. Бомбы стёрли с лица земли то, что когда то было величественным Петербургом. Я смотрел по телевизору на обломки, на руины, на клубы дыма, поднимающиеся над местом, где ещё недавно жили люди. В тот момент мне казалось, что это конец.

Но потом стало ясно: это никого не спасло. Вирус уже распространился. Через два месяца он охватил всю страну, а через полгода — весь мир.

К 2025 году не осталось стран. Остались лишь зоны — островки хаоса, где выжившие отчаянно боролись за жизнь. Там грохотали танки, переворачиваясь, словно игрушечные, под натиском орд заражённых. Там военные стреляли до последнего патрона, а люди прятались в подвалах, боясь даже дышать слишком громко.

Заражённые менялись. Они становились сильнее, быстрее, умнее. Их тела трансформировались, адаптируясь к новым условиям, а инстинкты обострялись до предела. Они эволюционировали — а мы нет.

Мир погрузился во тьму. Тьму страха, отчаяния и безысходности. Но я выжил. Потому что не сдался. Потому что знаю: это ещё не конец.

Глава первая. Тени прошлого

Пять лет минуло с тех пор, как мир изменился. С 2023 года — с той зловещей вспышки в Петербурге, с первых заражённых, с первых криков, заглушённых экстренными выпусками новостей. К 2028 году не осталось стран. Остались лишь зоны — лоскуты хаоса, где царили банды, орды заражённых и люди, цеплявшиеся за любой шанс выжить.

14 июня. Сибирский федеральный округ. Вечер.

Микроавтобус, покрытый царапинами и грязными разводами, стоял под проливным дождём у небольшого дома. Вокруг — только лес, тёмный и молчаливый, словно наблюдатель, который видел уже очень много.

Внутри дома теплилась жизнь: в печке горел огонь, отбрасывая дрожащие тени на стены. На расстеленном пледе спали шестеро.

Катя с двумя детьми: Женя, девочка двенадцати лет, свернувшаяся клубочком, будто пытаясь укрыться от кошмаров; Паша, десятилетний мальчик, во сне сжимавший игрушечный самолёт — последнее, что осталось от его прежней жизни.

Саша, девятнадцатилетний парень. Лицо измождённое, взгляд — старше своих лет. В глазах — отпечаток дорог, потерь и ночей без сна.

Таня, двадцатидевятилетняя девушка. Худая, в подтрёпанной футболке и рваных кроссовках. Хрупкой её не назовёшь: в каждом движении — выносливость, в каждом взгляде — настороженность.

Кирилл, сорока восьми летний мужчина с седыми волосами и отросшей бородой. Руки — твёрдые, привыкшие к оружию. Теперь он их лидер.

Артём, двадцатишестилетний парень, стоял у окна. Пока остальные спали, убаюканные теплом печки, он всматривался в пелену дождя, которая застилала мир, словно тяжёлые шторы.

Тишину нарушил тихий звук — у Саши заурчал живот. Последний месяц они провели в дороге, питаясь тем, что удавалось добыть: белками, кроликами, ягодами. Иногда — печеньем, если везло найти заброшенный магазин. Но сытости не знали давно.

С тех пор как их убежище пало несколько месяцев назад, они непрерывно искали новое место — безопасное, тёплое, где можно было бы остановиться хотя бы на день. В пути они видели орды заражённых, руины городов, бандитов, людей, готовых на всё ради куска хлеба. Иногда — на всё.

Артём закрыл глаза. Перед ним вспыхнули образы прошлого: мама, пританцовывая, жарит блины, а из телефона льётся весёлая мелодия; отец, сидя за столом, читает газету; младшая сестра подбегает к нему, гордо показывая грамоту из школы; отец улыбается, гладит её по голове и обнимает, шепчет: «Я горжусь тобой».

Воспоминания разорвал тихий жест: рука Кирилла легла на плечо Артёма.

— Иди поспи, — произнёс Кирилл негромко, но твёрдо. — Я посторожу.

Артём кивнул. Он опустился на плед рядом с печкой, закрыл глаза. Живот снова заурчал, напоминая о голоде. В полудрёме он думал о том, как раньше еда была просто едой — её не нужно было отслеживать, выпрашивать, вырывать у судьбы.

Сон пришёл незаметно — тяжёлый, как мокрый плащ, но всё же сон.

Рано утром Артёма разбудила Таня — тихо, но настойчиво тронула за плечо:

— Пора собираться. Нужно уезжать.

Он поднялся, потянулся, чувствуя, как ноют мышцы после сна на жёстком пледе. Выйдя на улицу, глубоко вдохнул: воздух был пронзительно свежим, с запахом мокрой травы и разогретого солнцем дерева. Над лесом медленно поднималось солнце, заливая мир бледно золотым светом.

У микроавтобуса стоял Кирилл. Молча, сосредоточенно лил бензин из последней канистры в бак. Металл глухо звенел, струя пахла резко, почти агрессивно — будто напоминала: это конец ресурса.

Через пять минут все уселись в машину. Дверь хлопнула, двигатель захрипел, и они тронулись, оставив дом позади — ещё одно временное убежище, ставшее просто точкой на карте их бесконечного пути.

День тянулся медленно. За окном проплывали безжизненные пейзажи: бескрайние поля, полу сгоревшие леса с обугленными скелетами деревьев, заброшенные поселения, где даже птицы не пеи. Ни дыма, ни движения, ни признаков жизни. Только ветер шевелил обрывки ткани на разбитых окнах.

К вечеру солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в ржавые тона. На заднем сиденье Саша достал бутылку, перевернул её — на дне остался лишь последний глоток. Он выпил, провёл языком по сухим губам и молча поставил пустую тару на пол.

— Надо найти место для ночлега, — произнёс Кирилл, не отрывая взгляда от дороги. — Скоро стемнеет.

Он бросил короткий взгляд на датчик топлива. Стрелка дрожала у красной зоны.

— Бензина хватит ещё на полчаса.

Машина катилась вперёд. Минуты растягивались, как резина. На заднем сиденье дети дремали, прижавшись друг к другу, их дыхание было ровным, почти незаметным.

Через тридцать минут двигатель чихнул, вздрогнул — и заглох.

— Ещё немного, — прошептал Кирилл, сжимая руль.

Словно в ответ на его слова, мотор вдруг взвыл, завёлся будто из последних сил. Ещё пять минут — и впереди показались крыши. Маленькая деревня. Тихая. Ни дыма, ни света. Ни единого признака жизни.

Микроавтобус остановился у въезда — и больше не подавал признаков жизни. Двигатель молчал.

— Ждите здесь, — скомандовал Кирилл. — Мы с Артёмом проверим.

Он достал из под сиденья АК, плавно передёрнул затвор. Звук был чётким, металлическим — он разорвал тишину, как нож.

Артём вытащил из бардачка пистолет Макарова, вынул магазин. Шесть патронов. Мало. Но лучше, чем ничего.

Они вышли из машины. Ветер гнал по дороге пыль, поднимал обрывки бумаги, кружил вокруг заброшенных домов. В деревне было тихо — настолько тихо, что каждый шаг отдавался в ушах, будто слишком громкий.

— Ты проверь дома справа, я — слева, — сказал Кирилл, не поворачивая головы. — Стреляй только в крайнем случае.

Артём кивнул. Холодок пробежал по спине, но он сжал пистолет крепче и двинулся вперёд.

Дома стояли, словно пустые раковины. Окна — чёрные провалы. Двери приоткрыты, будто кто то только что вошёл... или вышел. Ветер шелестел обломками, скрипел несмазанными ставнями. Каждый звук заставлял вздрагивать. Он подошёл к первому дому. Деревянная дверь — покосившаяся, в глубоких трещинах, будто изрезанная временем. Артём прижал ухо к рассохшейся поверхности: тишина, лишь ветер шелестел вдали да где то в лесу монотонно куковала кукушка — нелепо размеренный звук в мире, где всё пошло прахом. Он потянул дверь. Та открылась с протяжным скрипом, словно жаловалась на долгие годы одиночества. Артём медленно переступил порог. Деревянный пол тут же отозвался тревожным стоном — каждый шаг заставлял замирать и прислушиваться.

Он принялся. Запах — мокрый картон, пыль, плесень, сырое дерево. Но не было запаха трупов. «Это хорошо», — мысленно отметил Артём. И всё же двигался осторожно, держа пистолет наготове.

Комната за комнатой — везде одна и та же картина разрухи. Пыль, словно серый снег, покрывала всё: опрокинутые стулья, разбитые рамы, обрывки газет. Он вошёл в кухню. Двери шкафов распахнуты, ящики вывернуты наружу, холодильник стоял пустым, его дверца зияла, как беззубая пасть.

Один ящик оставался закрытым. Артём потянул его — с трудом, будто тот сопротивлялся. Внутри — лишь пустая пачка из под печенья. Он сжал её в пальцах, смял и бросил на пол. «Опять пусто. Ни крошки».

Выйдя на улицу, он замер. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, оставив лишь багровую полосу на краю неба. Холодный ветер нёс пыль, царапал лицо, забирался под одежду. Артём провёл рукой по щекам, словно стирая усталость, и двинулся дальше.

Дом за домом — везде одно и то же. Пусто. Ни следов жизни. Ни следов мёртвых. Только тишина, только ветер, только эхо его шагов.

Последний дом. Он обошёл комнаты, заглянул в каждый угол. Кухня — такая же, как все: шкафы пусты, ящики валяются на полу. Но один ящик — чуть приоткрыт. Артём опустился на колено, потянул его.

Внутри лежала пачка печенья. Маленькая, квадратная. «Юбилейное». Целая и запечатанная.

Он взял её в руки. Вес — ничтожный. Для одного — пара дней. Для семерых — один приём. Но это была еда.

Артём сел прямо на пол, сжимая пачку в ладонях. Перед глазами вспыхнули воспоминания: супермаркет, яркая полка, дети, выбирающие сладости, смех, обычный разговор о том, какое печенье вкуснее. Время, когда такая пачка значила лишь минутное удовольствие, а не вопрос жизни и смерти.

На мгновение он закрыл глаза. В груди разливалось тепло — не от печки, а от редкого, почти забытого чувства: облегчения.

«Дети, у нас что то есть. Не много, но есть», — мысленно произнёс он, и в этом простом предложении уместилась целая вселенная надежды.

Он встал, бережно убрал пачку в карман и вышел из дома. Ветер усилился, но теперь он казался не враждебным, а просто... ветром. Обычным ветром в необычном мире. Артём стоял у машины, прислонившись к дверце. Взгляд скользил по тёмной улице — между домами мельтешили тени, будто танцующие в неровном свете ущербной луны. Он напрягся, рука невольно легла на рукоять пистолета в кармане. «Это просто игра разума», — мысленно одёрнул себя Артём. — «Никаких теней. Только ветер и развалины».

За спиной, в микроавтобусе, раздался тихий чих. Катя осторожно вытерла нос Паше, шепча что-то успокаивающее. В салоне царила усталая тишина — все ждали Кирилла.

Когда он наконец появился, Артём не поверил своим глазам. Обычно суровый, с вечно нахмуренными бровями, Кирилл... улыбался. Не натянуто, не сквозь силу — искренне.

— Ну что? — спросил Артём, стараясь скрыть удивление. Голос прозвучал ровнее, чем он ожидал. — Нашёл что-нибудь? Я только пачку печенья раздобыл.

— Выводи их, — ответил Кирилл, не переставая улыбаться. — Идёмте за мной.

Дверь микроавтобуса скрипнула. Один за другим пассажиры выбрались наружу — усталые, голодные, с плечами, согнутыми под грузом бесконечных дорог. Никто не задавал вопросов. Просто шли, доверяя этому редкому свету в глазах лидера.

Узкая улица петляла между обгоревших домов. Ветер поднимал пыль, но сейчас она казалась не враждебной, а будто... покорной. Кирилл остановился у крайнего дома слева. Деревян-

ный, потемневший от дождей и времени, но цельный: окна не выбиты, крыша не провалилась, дверь плотно прикрыта. За порогом — тишина, густая, как пыль, осевшая на полу.

Кирилл запер дверь. Они прошли вглубь, в кухню. И замерли.

На столе — мешок с крупой. На полке — тушёнка, фасоль, и горох. В углу — три большие бутылки воды. В шкафах — кастрюли, сковородки, соль, сахар, чай. Всё это выглядело почти неправдоподобно: как подарок из другого мира, где ещё есть порядок, сытость, покой.

Все одновременно выдохнули — будто сбросили с плеч невидимый груз, который несли месяцы, годы. Даже дети перестали шмыгать носами, уставившись на припасы широко раскрытыми глазами.

Артём нашёл в кладовке масляные лампы. Когда он зажёл их, тёплый, дрожащий свет разлился по комнате, выхватывая из полумрака лица, углы, трещины на стенах. Окна завесили простынями — чтобы свет не пробивался наружу, и не привлекал внимания.

Саша и Артём притащили дрова, затопили печь. Треск поленьев наполнил дом — негромкий, но такой живой звук, словно музыка. Тепло медленно растекалось по комнатам, касалось кожи, проникало в кости. Таня и Катя взялись за готовку. В воздухе поплыл густой, почти осязаемый аромат: гречка с тушёнкой, душистый чай. Запах пробивался сквозь пыль и затхлость старого дома, заполняя пространство чем-то живым, настоящим.

Дети устроились на продавленном диване, ели печенье — медленно. Каждый кусочек тянули, словно пытались продлить мгновение сытости. Женя осторожно отламывала крошки, Паша следил за её руками, боясь упустить хоть кроху.

А Кирилл... Он опустился в кресло у окна. На подоконник поставил кружку — чёрный кофе дымился, тонкие струйки пара поднимались к потолку, растворяясь в полумраке. Закинул ногу на ногу, расслабил плечи. Впервые за долгое время в его позе не было напряжения — только усталая, почти забытая расслабленность.

— Вот так, — прошептал он, глядя в окно. — Жить можно.

Через час стол был накрыт. Они сели — сначала торопливо, будто боясь, что еда исчезнет, растворится, как сон. Ложки стучали по тарелкам, руки дрожали. Но постепенно движения замедлялись. Появилась благодарность — в каждом глотке, в каждом жевании.

Артём наблюдал за ними. За грязными лицами, за руками, всё ещё дрожащими, но крепко сжимающими ложки. В глазах — смесь недоверия и робкого счастья.

Он достал бутылку шампанского — пыльную, с облупленной этикеткой. Кирилл нашёл её за плинтусом в кладовке, словно кто-то оставил её здесь в надежде вернуться. Артём повертел бутылку в руках, ощущая прохладу стекла, потом резко открыл. Пробка вылетела с тихим хлопком, и шампанское зашипело, будто задышало после долгого молчания.

Он разлил по кружкам — самодельным, разнокалиберным, но чистым. Дойдя до Саши, запнулся, вопросительно глянул на Кирилла. Тот лишь улыбнулся и кивнул.

Кирилл поднялся. В руке — кружка с золотистой жидкостью, на поверхности которой играли отблески огня из печи.

— У нас были тяжёлые дни, — начал он, и голос его звучал ровно, без пафоса, но с той силой, что рождается из пережитого. — Мы голодали. Мы потеряли многих — друзей, близких. Шли по пеплу, не зная, что будет дальше. Но мы не сдались. Мы шли и боролись, потому что знали: обязательно придёт белая полоса.

Он обвёл взглядом собравшихся — усталых, грязных, но живых.

— И вот мы здесь. Мы живы. И, может быть, это начало новой полосы. Но мы также не должны забывать тех, кого с нами больше нет. Тех, кто не дошёл. Кто отдал жизнь, чтобы мы дошли. За них. За друзей.

Они соприкоснулись кружками — негромкий звон металла о стекло прозвучал как молитва. И в один миг опустошили сосуды до дна.

Шампанское было тёплым, газ почти выветрился, но вкус — неважно. Важен был жест, момент, когда они все вместе, живые, смогли поднять бокалы за тех, кто остался позади.

Час они сидели за столом. Ели, смеялись, и вспоминали.

— Помню, раньше я каждое утро ходила в одну кофейню, — заговорила Таня, и в её голосе звучала не горечь, а лёгкая, почти ностальгическая усмешка. — И злилась, если кофе делали долго.

— А я, — подхватил Артём, — ругался, что в пище мало сыра.

Теперь всё изменилось. Любимая еда — праздник. Любая минута — подарок. Любая ночь, когда не нужно бежать, — чудо.

Шампанское закончилось быстро. Они не успели сильно напиться, но расслабились — впервые за долгое, невыносимо долгое время. Через два часа начали готовиться ко сну. Катя с детьми устроились на широком матрасе, который с трудом перетащили из соседней комнаты. Таня растянулась на диване, укутавшись в старый плед — тот самый, с выцветшими розами, будто сохранивший в ворсе запах давно ушедших времён. Артём расположился на полу; рядом, свернувшись калачиком, уснул Саша.

Артём лежал, уставившись в потолок. Сон не шёл — мысли крутились, цеплялись за обрывки воспоминаний. Он поднялся, тихо подошёл к Кириллу.

— Что то не спится, — прошептал он. — Давай я посижу, а ты иди поспи.

— Хорошо, — отозвался Кирилл, бросив на него усталый взгляд. — Если что — буди.

Артём опустил в кресло. В голове всплывали картины прошлого: аромат свежесваренного кофе, ворчание официанта: «Сейчас принесу, не торопитесь!»; друзья за столиком, спорящие, стоит ли сюда возвращаться. Эти образы казались теперь далёкими, почти нереальными — как сон, который тает с рассветом.

Через два часа Кирилл вернулся.

— Я выспался, — сказал он, протирая глаза. — Иди попробуй поспать. А то смотреть на тебя больно.

Артём поднялся, на цыпочках прошёл мимо спящих, улёгся на простыню. Закрыв глаза — и почти мгновенно провалился в тяжёлую дрему.

Но сон длился недолго.

Кирилл разбудил его — тихо, но настойчиво, дёргая за плечо.

— Артём, вставай, — прошептал он, едва размыкая губы. — На улице... твари. Я слышал несколько топотов. Разбуди остальных — только тихо.

Артём вскочил. Сердце колотилось где-то в горле. Он начал обходить спящих, касаясь плеч, шепча: «Надо уходить. Тихо. Очень тихо». Люди просыпались, моргали, пытались осознать происходящее — но страх уже проник в комнаты, заполнил углы, притаился под мебелью.

Вместе с Кириллом они подпёрли дверь комнаты креслом — хлипкая преграда, но хоть какая-то надежда.

И тут — звон стекла.

Окно на кухне разбилось с резким, режущим звуком. Потом — топот. Один. Два. Затем их стало больше. Когти скребли по деревянному полу, оставляя рваные борозды. Тяжёлое дыхание, шипение — будто сам дом начал стонать от ужаса.

Кирилл вскинул автомат, прижал к плечу. Все замерли. Казалось, даже дыхание остановилось. Глаза, расширенные от страха, были прикованы к двери. Каждый молча молился, чтобы то, что находилось снаружи, ушло. Чтобы не решило войти. Чтобы оставило их в этой хрупкой, иллюзорной безопасности. Внезапно Саша чихнул — резко, громко, будто выстрелил в напряжённую тишину. Все разом повернулись к нему. В глазах не было злости — только ледяной страх, умноженный осознанием: этот звук могли услышать.

С той стороны двери раздался низкий, утробный рык — будто из недр земли вырвалось нечто первобытное. Затем — удар. Мощный, сотрясающий. Кресло, подпертое под ручку, дёрнулось, закрипело, едва не рухнув.

— Разбей окно, — скомандовал Кирилл, не отрывая взгляда от двери, не опуская автомата. Его пальцы побелели на цевье. — Выбирайтесь.

Артём схватил стул, размахнулся — и вдребезги разбил стекло. Острые осколки с жалобным звоном посыпались наружу, сверкнув в тусклом свете. Саша первым пролез через раму, за ним — Катя, крепко сжимающая руки детей. Таня подхватила мальчика, тот споткнулся, упал — она рывком поставила его на ноги, не теряя ни секунды.

Артём уже шагнул к окну, но тут — автоматная очередь. Грохот разорвал воздух, в ушах зазвенело, будто кто то ударил в гигантский колокол. Кирилл стрелял сквозь дверь, короткими, чёткими очередями.

— Давай! — рявкнул он, перекрывая шум. — Бегите в лес. Быстро!

Артём вывалился наружу, обернулся.

— А как же ты? — выкрикнул он.

— Я догоню, — бросил Кирилл, не глядя. — Беги. Быстро.

Они рванули к лесу — без оглядки, без слов. Катя держала девочку за руку так крепко, что, казалось, вот вот сломает пальцы. Таня тащила мальчика, его ноги подгибались, но она не давала упасть. Саша и Артём неслись следом, дыхание рвалось из груди, как из простреленного меха.

Позади, в доме, продолжала греметь стрельба.

Лес встретил их тьмой и колючими ветвями. Они добежали до первых деревьев — и стрельба внезапно оборвалась. Артём остановился, обернулся.

Кирилл так и не вышел.

И тут — из окна дома выпрыгнуло существо. Спина выгнута дугой, длинные конечности, будто составленные из острых углов, когти царапали землю, оставляя глубокие борозды. За ним — второе. Третье. Они двигались бесшумно, словно скользили по воздуху.

— Бегите дальше! — крикнул Артём, голос сорвался на хрип. — Я задержу их!

Он вытащил пистолет, взял на прицел первую тварь. Но та исчезла среди деревьев — мелькнула тень, и нет её. Вторая обошла сбоку, прячась за стволами, будто знала каждый изгиб леса. Третья рванула прямо на Артёма.

Он вскинул оружие, выстрелил дважды. Первый выстрел — в плечо. Тварь дёрнулась, но не замедлилась. Второй — в голову. Существо кувырком полетело вперёд, замерло. Больше не шевелилось.

Другая уже неслась сбоку. Артём развернулся, выстрелил — пуля впилась в дерево. Ещё одна ушла мимо. Третья попала в плечо твари — та замедлилась, зашипела. Он нажал на спуск снова — но пистолет щёлкнул впустую.

Артём швырнул его, выхватил нож. Лезвие блеснуло в лунном свете. Он ударил — нож вонзился в голову твари. Но та, даже умирая, рванулась вперёд. Артём отлетел, ударился затылком о дерево.

В глазах — вспышка. В ушах — пронзительный звон, перекрывающий всё.

И вдруг — глухие хлопки выстрелов. Он не видел, кто стреляет, откуда. Только слышал. А затем — протяжный, леденящий вой.

Сознание начало ускользать. Артём цеплялся за реальность, пытался встать, но тьма уже накрывала его, как тяжёлое одеяло.

Глава вторая. Новый свет

Артём проснулся от того, что солнце било прямо в глаза — яркий луч пробивался сквозь решётку окна и ложился на лицо жгучей полосой. Он приподнялся, протёр глаза руками. Голова раскалывалась: виски стучали, будто кто то изнутри методично бил кулаками по черепу.

Он открыл глаза, поднял голову — и увидел решётку. Тонкие ржавые прутья за мутным стеклом, а за ними — кусок неба. Чистого, спокойного, словно и не было вчерашней ночи.

— Артём, ты проснулся, — раздался голос Тани.

Она подошла, протянула бутылку воды. Он сделал несколько глотков — вода была тёплой, но живой.

— Где это мы? — спросил он, возвращая бутылку.

Таня присела на край кровати, посмотрела на него. В её глазах читалась усталость, за которой пряталась тревога.

— Ночью нас спасли какие то люди, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Прибежали на звук выстрелов, убили тех тварей. Потом привезли сюда. Сказали, что пока придётся побыть в карантине.

Артём огляделся. Комната выглядела... цивилизованной. Шесть двухъярусных кроватей с чистыми одеялами, стол посередине. На нём — скромные, но такие ценные сейчас припасы: сухарики, открытые консервы, тарелки с ложками, бутылки с водой. Всё аккуратно расставлено, будто в ожидании постояльцев.

— Кирилл? — Артём посмотрел на Таню. Та молча покачала головой, опустив взгляд в пол.

— Мы сказали им про него, — продолжила она. — Пошли вместе в тот дом. Кирилл держался сколько смог. В доме нашли ещё трёх мёртвых тварей... Но всех он убить не смог. Было уже поздно. Солдаты забрали его тело. Привезли сюда. Сказали, что устроят ему достойные проводы.

Артём несколько секунд смотрел на Таню, затем снова опустился на кровать и закрыл глаза. Мысли унесли его в прошлое.

Три года назад.

Они стояли посреди осеннего леса — Артём и Кирилл. Листья шуршала под ногами, воздух пах прелью и приближающейся зимой. Артём держал в руках лук, пальцы дрожали. Кирилл стоял за спиной, спокойный, как скала.

— Дыши, — сказал он тихо, почти в самое ухо. — Смотри не на цель, а туда, куда он пойдёт.

Перед ними был кролик — серый, с большими ушами. Он не видел их, просто стоял и жевал траву. Артём натянул тетиву, сосредоточился, выпустил стрелу... и промахнулся. Стрела ушла в сторону, кролик бросился прочь.

— Ничего, — сказал Кирилл, похлопав его по плечу. — В следующий раз попадёшь. А сейчас идём домой — скоро стемнеет.

Артём лежал на кровати, чувствуя, как внутри разрастается тупая боль. Плакать не хотелось — кажется, он давно забыл, как это делается. Кирилл был для него не просто другом. Он был проводником в этом новом мире, учителем, опорой. Приходил в самые тёмные дни, успокаивал, рассказывал истории из своей молодости — о том, как выживал в девяностые, как учился стрелять, как находил еду там, где её, казалось, не могло быть.

— Недавно они забрали Сашу, — прервала его мысли Таня. — Сказали — для дезинфекции. Уже почти час прошёл.

Артём не ответил. Он понимал: их проверяют. Один за другим. Смотрят, не заражён ли, безопасен ли.

В этот момент раздался скрип двери. Она распахнулась, и в комнату вошёл пожилой мужчина в белом халате. В руках он держал блокнот и ручку, взгляд — спокойный, но внимательный.

— Следующие, пожалуйста, пройдёте, — произнёс он ровным, деловым тоном.

— Извините, — вскочила Катя, прижимая к себе детей. — Это мои дети. Можно я с ними пойду?

— Конечно, — ответил мужчина, слегка отступая в сторону. — Даже нужно.

Он пропустил их вперёд. Дверь закрылась с тихим щелчком замка.

Через сорок минут мужчина в халате вернулся. С ним вышла Таня.

Артём остался один. Мысли крутились в голове: Почему по одному? Почему так долго проверяют одного человека? Кто эти люди? Где мы находимся?

Его размышления прервал снова открывающийся дверной скрип. Мужчина в халате стоял на пороге.

— Пойдёмте, — сказал он, кивнув Артёму.

Артём поднялся с кровати и шагнул в коридор. Дверь за ним закрылась с тем же глухим щелчком. В коридоре рядом с мужчиной в халате стоял крепкий мужчина в камуфляжных штанах и лёгкой разгрузке поверх тельняшки. На бедре — кобура с пистолетом, модель которого Артём не узнал.

Артём огляделся. Просторный коридор, пол выложен белым кафелем, стены — бледно серые, без единого украшения. Здание явно напоминало больницу, но без вывесок и указателей, без привычного медицинского хаоса: ни стоек с бумагами, ни стендов с объявлениями, ни суесящихся медсестёр. Лишь тишина, нарушаемая редким эхом шагов.

В дальнем углу сидели Саша, Катя с детьми и Таня. Рядом с ними — ещё один мужчина в разгрузке, пистолет на бедре поблёскивал в холодном свете ламп. Увидев Артёма, Таня слабо помахала рукой. Он кивнул в ответ — коротко, будто боялся растратить последние капли сил.

— Пройдёмте сюда, — произнёс мужчина в халате, жестом указывая путь.

Они двинулись вперёд. Коридор тянулся бесконечно, отражая их шаги в зеркальной глади кафеля. Остановились у двери.

— Заходите сюда, — повторил мужчина. — Помойтесь и переоденьтесь, потом пройдите в крайнюю комнату.

Артём толкнул дверь. Она открылась с тихим, почти жалобным скрипом, затем так же неслышно закрылась за ним.

В комнате — небольшая деревянная лавка, ряд вешалок, несколько железных шкафов с потёртыми ручками. На лавке стояла корзина. Артём заглянул внутрь: там лежала старая одежда его друзей, скомканная, пропитанная запахом пота и страха.

Он обернулся. В углу — душ. Артём не поверил глазам. Медленно подошёл, с сомнением повернул кран, ожидая, что из лейки вырвется лишь сухой вздох пустоты. Но вдруг — тонкая струйка холодной воды. Он перевёл рычаг в другую сторону, поставил руку. Прошло несколько томительных секунд — и потекла горячая вода.

Артём снял одежду и встал под струи. Тёплая вода омыла тело, смывая усталость, напряжение, грязь последних дней. Он застыл, закрыв глаза, впитывая это ощущение. Уже забыл, как это — принимать тёплый душ. Сейчас это казалось роскошью, почти чудом.

Он простоял под водой почти час, позволяя себе роскошь воспоминаний. Перед глазами всплывали далёкие времена, когда душ был обыденностью, когда не нужно было оглядываться на дверь, прислушиваясь к шорохам. Теперь же даже это простое действие превратилось в ритуал выживания.

Выйдя из душа, Артём почувствовал, как тело стало легче, теплее, чище — словно он наконец то вернулся к себе, хотя бы на мгновение. В одном из железных шкафов лежала чистая

одежда: чёрная футболка, плавки, серые штаны и чёрная рубашка. Он оделся и направился в следующую комнату.

Помещение оказалось маленьким и квадратным. Посреди — стол, рядом два стула. Больше ничего. В противоположной стене — ещё одна дверь. Артём сел на стул напротив двух других, выпрямился, вглядываясь в молчаливую геометрию комнаты. Ожидание давило.

Через пять минут дверь открылась. Вошли двое в белых халатах: тот самый мужчина и молодой человек в очках, с блокнотом в руках. Следом — крепкий мужчина в разгрузке. Он встал у двери, сложив руки на груди, взгляд — холодный, оценивающий.

— Итак, — произнёс пожилой мужчина, не поднимая взгляда от блокнота, — назовите своё полное имя.

— Семёнов Артём Алексеевич.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— Откуда вы, Артём?

— Из Санкт Петербурга.

— Санкт Петербург?! — Мужчина резко вскинул голову, в голосе прозвучало неподдельное изумление. Молодой собеседник рядом с ним тоже оторвался от записей и пристально посмотрел на Артёма. — За всё время — впервые... Там ведь... в первый месяц всё... Простите.

Артём опустил взгляд. В комнате повисла тяжёлая пауза, нарушаемая лишь скрипом карандаша по бумаге — оба мужчины что то записывали.

— Вы служили в армии?

— Да. Срочная служба, потом ещё год по контракту.

— Где вы встретили своих друзей?

— В убежище «Янтарная». Где то рядом с Уфой.

— Что случилось с тем убежищем?

— Заражённые прорвали стены. Мы успели сесть в машину и уехать. С тех пор были в дороге.

— Сколько человек жило в том убежище?

— Около тридцати.

— Сколько спаслось с вами?

— Девять. Трое погибли: один — вчера ночью, двое других — два месяца назад.

— Сколько времени вы были в дороге с тех пор, как ваше убежище разрушили заражённые?

— Пять... может, шесть месяцев. Уже не помню точно.

— Расскажите, где вы были, когда всё началось.

Артём глубоко вдохнул, задержал дыхание на секунду, затем медленно выдохнул. В глазах на миг потемнело — перед внутренним взором пронеслись картины прошлого.

— Перед всем этим... я жил в Москве. Когда всё началось, поехал в Питер, чтобы забрать родных, но туда уже никого не пускали. Вернулся в Москву. Через месяц Питер взорвали. Я жил в Москве почти два года. А когда стало совсем плохо, собрал припасы и уехал. Просто ехал, не зная куда. Машина сломалась — шёл пешком несколько дней, ночевал где придётся, лишь бы было более менее безопасно. Потом меня нашёл Кирилл — тот, что погиб вчера. Он привёл меня в своё убежище, «Янтарное». Я прожил там два года. Потом стены прорвали, и мы сбежали. Остальное вы знаете.

Последовала долгая тишина. Пожилой мужчина наконец поднял глаза и посмотрел Артёму прямо в лицо — взгляд был тяжёлый, изучающий, будто проникал вглубь.

— Вы убивали людей, Артём?

— Нет. Я встречал плохих людей — тех, кто готов на всё ради выживания. Встречался с бандитами. Но убивать их мне не приходилось. Этим обычно занимался Кирилл.

Оба мужчины снова замолчали, что то строча в блокнотах. Пожилой кивнул молодому; тот закрыл блокнот и встал. Пожилой последовал за ним.

— Что ж, Артём, — сказал он, — мы закончили. А теперь идёмте.

Они вышли из комнаты и тем же коридором вернулись к остальным. Группа по прежнему сидела под присмотром крепкого мужчины в разгрузке. Через несколько минут дверь, ведущая наружу, распахнулась.

В помещение вошёл человек в сером костюме. Короткие волосы, лёгкая щетина на лице, глаза — добрые, но усталые, словно видели слишком много.

— Здравствуйте, — произнёс он, слегка кивнув и улыбнувшись. — Меня зовут Арсений. Сегодня я проведу вас по убежищу. У нас есть еда, душ, чай — и, самое главное, крыша над головой, под которой вы можете спать, не держа нож в руках. Сначала вы познакомитесь с главой. Потом я покажу вам ваш дом. Ну что ж, идёмте.

Артём замер на месте. Всё казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой. В груди ворочался холодный комок недоверия — он не хотел верить, боялся ошибиться.

Остальные посмотрели на него. Артём стоял, разрываясь между страхом и робкой надеждой.

Арсений подошёл ближе.

— Не бойтесь, — сказал он, снова улыбнувшись той же тёплой, почти отеческой улыбкой. — Теперь всё будет хорошо.

Артём смотрел на него, и впервые за долгое время пальцы сами собой начали разжиматься — он даже не заметил, как всё это время сжимал кулаки. Он не верил — но позволил себе надеяться.

Наконец он решился. Шагнул вперёд.

Дверь наружу распахнулась, и ослепительный солнечный свет ударил в глаза.

Глава третья. Новые лица. Новый дом

Артём вышел вслед за Арсением. Глаза быстро привыкли к слепящему солнцу — и первое, что он увидел, заставила его замереть.

Асфальтированная дорога тянулась вдоль улицы, а по обеим её сторонам стояли дома. Не новые, но и не разрушенные — обычные, такие же, как были до всего. На окнах висели занавески, у некоторых порогов стояли вёдра, у одного из заборов притулился велосипед.

Людей было много. Жизнь текла своим чередом. Женщина в светлом платке мыла бельё у большой бочки; рядом, лениво вытянув лапы, дремала чёрная собака с белой грудью. Мальчишки с криками гоняли мяч по обочине. Старик в соломенной шляпе сидел на крыльце и чинно мастерил сапог, а рядом с ним невозмутимо бродила курица, выискивая что то в пыли.

Артём поднял глаза — и замер.

За домами, далеко, возвышались стены. Не стройные и ровные, а собранные из разномастных материалов: деревянных балок, ржавых листов металла, обрывков досок. Они смыкались вокруг поселения, словно руки, бережно сложенные вокруг чего то хрупкого.

— Ну, добро пожаловать в Каргатское, — произнёс Арсений таким тоном, будто повторял эту фразу уже сотню раз. — У нас тут живут больше двух тысяч человек.

— Две тысячи?! — вырвалось у Тани.

— Да. Иногда самому не верится, — кивнул Арсений. Он взглянул на Артёма — тот всё ещё не мог оторвать взгляд от стен, опоясывающих поселение. — Пройдёмте со мной. Я расскажу, как всё здесь началось.

Они двинулись следом за Арсением, впитывая каждую деталь этого непривычного мира. Дома, дымящиеся трубы, смех детей — всё это казалось почти нереальным после всех скитаний по безлюдным дорогам.

— В самом начале у нас всё было спокойно, — начал Арсений, не торопясь, словно проговаривал историю, которую знал наизусть. — Мы знали, что происходит в мире, но нас это не коснулось. И мы... не особо обращали внимание.

Он сделал паузу, глядя вдаль, будто снова видел те дни.

— Всё началось с того, что к нам приехали автобусы с беженцами из города. Несколько машин. Выгнать их мы не могли — они лишились всего. Мы приняли их. Но мы не знали... среди них были заражённые.

Его голос стал тише, будто он боялся разбудить воспоминания.

— В одну ночь многие погибли и обратились. Дальше — хаос. Паника, стрельба, крики. А потом... тишина. Большая часть жителей погибла и обратилась. Выжившие прятались везде, где казалось безопасно. Так мы провели неделю. Прячась. Боясь, что они найдут.

Арсений замолчал на минуту, словно снова погрузившись в те страшные времена. Ветер шелестел листвой, и на мгновение всё вокруг будто замерло.

— А потом... — продолжил он тихо, — отец и сын из местной семьи первыми вышли из укрытия. Собрали всех, кто ещё мог держать оружие, кто не хотел больше прятаться в страхе. За несколько дней очистили поселение. Многие погибли в те дни...

Группа молча следовала за Арсением. Они шли вдоль улицы, мимо одноэтажного здания с большими окнами. Из приоткрытой створки лились аппетитные запахи — жареного лука, картошки, мяса — и доносился звонкий смех. Аромат словно прилип к одежде, обволакивая тёплым облаком, напоминая о забытом уюте мирной жизни.

— А по площади... — тихо спросил Артём, прерывая задумчивую тишину, — насколько велико ваше убежище?

— Примерно пятьсот гектаров, — ответил Арсений, глядя вперёд. — Всё, что было между старой трассой и лесом.

— И вы обнесли всё это стеной? — в голосе Артёма звучало неподдельное удивление.

— Да, кусок за куском, — чуть улыбнувшись, подтвердил Арсений. — Строили год. И в жестокие морозы, когда пальцы коченели на ветру, и в знойные летние дни, когда пот заливал глаза. Мы строили.

Он снова замолчал. Мимо прошла молодая девушка, бережно держа на руках ребёнка. Её лицо озаряла мягкая улыбка, а малыш что то лепетал, тянулся к её волосам. Ребёнок... Артём давно не видел детей. Это было не просто живое существо — это стало доказательством: здесь люди жили, а не выживали.

— После зачистки... — Арсений словно очнулся от воспоминаний, — мы начали приживаться заново. Раньше здесь жило больше трёх тысяч человек. После зачистки осталось меньше тысячи. Первый месяц был тяжёл. Люди скорбели по погибшим. Еды едва хватало, а зима уже стучалась в двери.

Где то скрипнула дверь, отозвалась лаем собака, и эти простые звуки вдруг сделали картину ещё более реальной, почти осязаемой.

— Те дни... — продолжил Арсений, — наши основатели снова взяли всё в свои руки. Собрали больше сотни человек, колонной выехали из поселения. Искали еду, лекарства, всё, что могло помочь выжить. Через две недели вернулись. Привезли припасы... и людей, которых сумели спасти.

Артём заметил, как на лице Арсения промелькнула тень улыбки — будто он вновь увидел ту встречу, радостные лица, слёзы облегчения.

— Зима была близко. Мы собрали все дрова, весь уголь, что нашли. Но этого не хватило бы на всю зиму. Тогда основатели вновь собрали людей и отправились к угольным шахтам за Новосибирском. Через три недели вернулись — пять КамАЗов, доверху заполненных углём. Когда они приехали, все вышли встречать. И каждый понимал: у нас есть шанс пережить эту зиму.

Они шли дальше в молчании. Артём и его спутники не переставали оглядываться: на дома с цветущими клумбами у крыльца, на собак и кошек, лениво греющихся на солнце, на мальчишек, гоняющих мяч. Казалось, конец света так и не наступил.

— Зиму мы пережили, — произнёс Арсений. — Запасов хватило с лихвой. Но мы не раз подвергались нападениям — и мертвецов, и бандитов. Сражались... Были дни, когда снег становился красным от крови. За зиму потеряли несколько десятков людей. А когда снег начал таять, взялись за стены. Дерево, железо, доски — собирали кусок за куском. И когда закончили... наконец смогли начать спать спокойно.

Арсений сделал паузу, глубоко вдохнул, словно набираясь сил для последнего отрезка рассказа.

— Основатели... — начал он с особой интонацией, будто произносил имена, высеченные в камне. — Константин Кузнецов. Его жена Мария Кузнецова. Их сын Виктор. У них есть ещё дочь Анастасия, но она не получила звания основателя. Остальные получили — и заслуженно.

Он остановился, посмотрел на своих спутников, и в его глазах читалась гордость.

— Константин первым сказал: «Я поведу». Виктор, служивший в спецназе, учил нас бороться и выживать. Мария — та, кто выстроила порядок. Она распределила еду, организовала столовую. Сейчас следит, чтобы запасов хватало всем. А в первое лето она первой посадила овощи. По её инициативе полтора года назад мы нашли и установили солнечные батареи и ветряки. С тех пор у нас есть свет.

Его голос звучал твёрдо, с ноткой благоговения:

— Потому их и называли основателями. Они повели нас, сплотили, спасли. Константин сказал: «Я поведу». Мария сказала: «Я организую». А Виктор сказал: «Я буду защищать». Благодаря им... мы сейчас живы.

Арсений закончил рассказ, и было видно: он гордился каждым словом, каждой строчкой этой истории.

Они обошли центральную площадь. Здесь была жизнь. Не идеальная, не сказочная — настоящая. Женщина поливала цветы у порога. Дети катались на велосипеде, смеясь и переключаясь. Старик курил трубку, греясь на солнце. Всё было... почти как раньше.

— Я закончил с историей, — произнёс Арсений, останавливаясь у двухэтажного здания. — А теперь вам предстоит встретиться с Константином. Он определит, где вы будете работать. Работы хватит всем — только не обещаю, что будет легко.

Здание не блистало вычурностью, но чувствовалась его значимость. Перед входом — памятник героям Второй мировой войны, строгий и немного обветшалый. Рядом — клумба с бархатцами, аккуратно высаженными по кругу. Цветы выглядели ухоженными: видно было, что кто-то тщательно заботится об этом маленьком островке порядка.

Деревянные двери с металлическими вставками открылись без скрипа. Группа переступила порог — и шум улицы словно отрезало. Внутри царила приглушённая суета: доносились негромкие разговоры, шуршание бумаг, скрип стула.

Охрана присутствовала, но не стояла по стойке «смирно», как часовые. Один что-то записывал в журнал, другой беседовал с женщиной в фартуке — похоже, из столовой. Двое прислонились к стене, тихо переговариваясь; на плечах у них висели АК.

— Привет, Сеня, — кивнул один из охранников. — Как дела?

— Привет, Саша, — отозвался Арсений. — Веду новичков к Константину.

— Сеня, можно я сегодня вечером зайду? — вмешался второй охранник. — У Оли печенье очень вкусное.

— Заходи, — улыбнулся Арсений. — Будем рады.

Они поднялись по лестнице. На деревянных перилах кто-то вырезал ножом: «Здесь был Вова. 2024». Надпись выглядела наивной и живой — словно след обычного детства в этом мире, где детство стало редкостью.

На втором этаже было ещё тише. По обеим сторонам коридора — кабинеты. В одном женщина сосредоточенно что-то подсчитывала в тетради. В другом двое мужчин склонились над картой, тихо обсуждая детали.

У центральной двери стояли двое охранников. Форма, автоматы за спиной — но без бронежилетов, без излишней браваты.

— Обыск, — коротко бросил один.

— Понял, — спокойно ответил Арсений.

Охранники провели досмотр быстро и без грубости. Движения отточенные, но не агрессивные.

— Всё чисто, — констатировал один.

Дверь открылась. Все последовали за Арсением.

Кабинет оказался светлым. Окна распахнуты, ставни приподняты — сквозь них виднелся внутренний двор: дети поливали цветы, их голоса доносились приглушённо, как из другого мира.

Слева — деревянные шкафы, старые, но ухоженные. На каждом аккуратная этикетка: Планы, документы, связь.

Посередине, у окна, — два стола, составленные буквой «Г». На одном — груда бумаг, на другом — ни единой лишней вещи.

За чистым столом сидел мужчина. На вид — пятьдесят. Простая рубашка с закатанными рукавами, седина на висках, щетина, будто он не брился уже несколько дней. Лицо усталое, но не жёсткое — скорее измождённое долгой работой, а не злобой.

Он что-то писал. Когда группа вошла, бросил короткий взгляд — и снова уткнулся в бумагу. Через несколько секунд отложил ручку, взял лист и поднялся.

Подойдя к Арсению, молча протянул ему бумагу.

— Здорова, Сеня, — произнёс Константин, передавая Арсению лист. — Отнеси это Павлу Александровичу, пожалуйста.

Арсений коротко кивнул и вышел. В кабинете повисла пауза — несколько тягучих секунд тишины, в которой каждый из новичков ощутил вес предстоящего разговора.

— Кузнецов Константин Иванович, — отчеканил он, и в его тоне Артём мгновенно распознал командирский голос, не терпящий возражений. — Я здесь за главного. Вас всех я уже знаю. Вы прошли долгий и тяжёлый путь. Мне жаль, что мои бойцы не успели спасти вашего друга. Примите мои соболезнования.

Он прошёл к столу, опустил в кресло и взял первую папку. Движения чёткие, выверенные — будто каждое действие отмерено годами привычки.

— Екатерина, — произнёс он, поднимая взгляд. Женщина невольно напряглась. — Вы будете работать в детском саду. У вас есть опыт работы с детьми. А ваши дети пойдут в местную школу — обучение уже началось.

— Спасибо, — улыбнулась Катя, и в её глазах мелькнуло облегчение.

Константин открыл следующую папку.

— Татьяна, — взгляд его стал чуть пристальнее. — Юрист сейчас — не самая востребованная профессия. Но бумага всегда нужна, так что навык пригодится. А пока... Вы говорили, что хорошо готовите. Будете работать в столовой. Если захотите сменить занятие — скажите, что-нибудь придумаем.

— Спасибо, — ответила Таня. — Я буду работать в столовой. Люблю готовить.

Он взял следующую папку.

— Александр, — голос Константина звучал ровно. Саша напротив сохранил бесстрастное выражение лица. — Назначаю на ферму. Работа тяжёлая, но нужная. И ещё — пять раз в неделю будешь ходить на обучение. Как закончишь курс, сможешь сам выбрать место работы.

Саша не произнёс ни слова — лишь коротко кивнул.

Константин взял последнюю папку.

— Артём, — он посмотрел прямо на него, и в этом взгляде читалось нечто большее, чем простая оценка. — Ты уже умеешь стрелять. Убивал мертвецов. Знаешь, каково это — смотреть в их холодные глаза. — Он раскрыл папку. — Назначаю к стражам. Будешь охранять стены.

— Стражи? — переспросил Артём, чувствуя, как внутри что-то сжалось.

— Про это ребята сами расскажут, — ответил Константин, закрывая папку и откладывая её в сторону. — Когда пойдёте вниз, загляни в Павлу Александровичу. Он тебя оформит.

Он поднялся.

— Сегодня отдыхайте. Завтра — проводы вашего друга, — произнёс он, обводя всех взглядом, будто проверяя, уловили ли они важность момента, — Послезавтра приступаете к работе. Ступайте. Арсений ждёт вас снаружи. Он покажет ваш дом.

Они вышли из кабинета и спустились на первый этаж. В воздухе всё ещё витал приглушённый гул повседневной жизни поселения: где-то звенела посуда, кто-то тихо переговаривался, скрипела дверь. Мир продолжал двигаться — размеренно, упорно, несмотря ни на что.

— Подождите снаружи, — сказал Артём друзьям. — Я сейчас выйду.

Он подошёл к одному из охранников.

— Извините, — обратился он к нему, — где я могу найти Павла Александровича?

— Вам туда, — охранник кивнул влево. — Седьмой кабинет.

Артём поблагодарил и двинулся по коридору. Стены хранили следы времени. Местами краска потрескалась, но всё было аккуратно, без запустения. Он остановился у двери с цифрой «7», постучал и почти сразу услышал:

— Войдите.

Артём переступил порог и закрыл за собой дверь. Кабинет оказался тесным, но упорядоченным. У стены — шкаф, до отказа забитый папками и перевязанными стопами бумаг. У окна — стол, за которым сидел мужчина лет шестидесяти. Перед ним лежал документ, которую он внимательно изучал сквозь круглые очки. Клетчатая рубашка, аккуратно заправленная в брюки, и блестящая на свету лысина придавала ему вид школьного учителя, случайно попавшего в мир после катастрофы.

— Здравствуйте, — произнёс Артём. — Меня прислал Константин Кузнецов.

— Артём, да, — отозвался Павел, не отрываясь от бумаг. — Присаживайся.

Артём опустил на стул напротив. В кабинете пахло старой бумагой и слабым ароматом травяного чая. Где то за стеной тикали часы, отсчитывая секунды с размеренной настойчивостью.

Павел ещё несколько мгновений изучал документ, затем резко отложил его в сторону.

— Значит так, — его голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Будешь работать на южных воротах. Работа ответственная — ворота, как ни крути, сердце обороны. Кое-кто был против — ты ведь новичок. Но Константин Иванович своё слово сказал.

Наконец он поднял взгляд, и Артём заметил в его глазах не строгость, а скорее усталую проницательность человека, который видел слишком много, чтобы судить поспешно.

— Я передам ребятам, что ты придёшь, — продолжил Павел, глядя Артёму прямо в глаза. — Они всё объяснят. Приступаешь после завтра. Если что-то понадобится — обращайся. Помогу чем смогу.

Артём кивнул, поднялся со стула.

— Спасибо, — коротко произнёс он и вышел.

На улице царил тихий полдень. Солнце заливало двор тёплым светом, дети бегали между клумбами, а женщина с лейкой неторопливо поливала цветы, напевая что то себе под нос. Аромат свежескошенной травы смешивался с запахом готовящейся еды, доносившимся из большого здания с просторными окнами.

Его друзья стояли у аллеи, внимательно слушая Арсения.

— Мы называем это аллеей славы, — говорил он, стоя у ряда каменных постаментов, вкопанных в землю. — Здесь записаны имена всех, кто погиб. Кто-то — защищая стены. Кто-то — на вылазках. А кто-то... просто не выдержал. Их имена здесь, чтобы мы помнили. Чтобы не было так, словно их не было.

Артём подошёл ближе. Постаменты выглядели внушительно и строго. На некоторых ещё оставались свободные места — гладкие, холодные плиты, ждущие своих имён. Он невольно задумался: на сколько их хватит.

— Ну, раз все в сборе, — бодро произнёс Арсений, прерывая тягостное молчание, — пойдёмте, я покажу вам ваш новый дом. Но сначала — поедим. Нельзя в новый дом с пустым животом.

Он махнул рукой, приглашая всех следовать за собой, и повёл группу обратно к зданию с большими окнами, откуда так аппетитно пахло. Они зашли в здание. Внутри было просторно: столы со скамьями выстроились ровными рядами, а в воздухе всё ещё витал аромат еды — густой, тёплый, с нотками жареного лука и свежего хлеба. Людей не было: видимо, обед давно закончился, оставив после себя лишь тихое эхо разговоров и лёгкий беспорядок на столах.

— Идите за мной, — сказал Арсений, махнув рукой.

Они проследовали за ним в зону раздачи. За прилавком стояла женщина в сером фартуке, с чёрным платком, аккуратно повязанным на голове. Она раздавала еду с размеренной неторопливостью человека, привыкшего к рутине. Каждый взял поднос; Артём подошёл последним.

На его подносе дымился густой борщ — насыщенный, с кусочками мяса и свежей зеленью укропа по краям. Три ломтика хлеба с золотистыми корочками. стакан чёрного чая, от которого поднимался лёгкий пар.

Они ели медленно, не торопясь — впервые за долгое время могли себе позволить себе эту роскошь. Каждый глоток, каждый кусочек ощущались особо вкусно, будто тело заново училось наслаждаться простой пищей. Когда закончили, вместе отнесли посуду на мойку.

Выйдя из столовой, они увидели Арсения: он стоял у микроавтобуса, прислонившись к дверце.

— Садитесь, — коротко сказал он, усаживаясь за руль.

Все разместились в салоне. Машина тронулась. Где то за спиной тихо заиграла старая песня: «Там, за тучами, синее небо...»

Шесть минут ехали молча, наблюдая из окон за жизнью убежища. Мимо проплывали дома с дымящимися трубами, люди, занятые своими делами, дети, гоняющиеся за мячом. Всё это выглядело почти... обычным.

Машина остановилась у небольшого дома. Они вышли и встали перед двором.

— Ну вот, — сказал Арсений. — Ваш дом. Места хватит всем. Завтрак у нас в девять, обед в час, а ужин в семь. Можно прийти чуть позже — никто не гонит. Но если задержитесь сильно, то еда может закончиться. — Он снова сел за руль. — Ну, я поехал. Если что, обращайтесь.

Арсений уехал.

Попрощавшись, они решили осмотреть двор. Здесь были: туалет, сарай для дров и угля, пустой гараж. Всё выглядело опрятно, хоть и немного обшарпано — следы долгой эксплуатации, но без запустения.

Наконец, они вошли в дом.

Сени оказались просторными. Слева от двери стоял старый стол, покрытый тонким слоем пыли. В углу — сухой умывальник с медным ковшом.

Переступив порог основного помещения, они оказались в широком коридоре. У двери — вешалки для одежды, рядом — ещё один умывальник.

Артём заглянул на кухню — она располагалась слева. Просторное помещение с массивными шкафами для посуды и продуктов, электрической плитой, холодильником и старой печкой, явно доставшейся от прежних хозяев. На подоконнике сиротливо стояла пустая банка из-под кофе, покрытая тонким слоем пыли.

Он прошёл в гостиную. Справа примостился высокий шкаф, на верхней полке которого в идеальном порядке выстроились несколько DVD-дисков. На тумбе под ними гордо возвышался плазменный телевизор, рядом — DVD-проигрыватель. Перед техникой стояло одинокое кресло, а у окна — диван. Артём подошёл ближе и проверил, раскладывается ли он. Механизм скрипнул, но поддался. «Здесь могут спать двое», — мысленно отметил он.

Затем он направился в комнату слева. Помещение оказалось крошечным: пыльный шкаф у стены, обшарпанный стол в углу и односпальная кровать с провисшей сеткой. Воздух здесь стоял затхлый, будто годами не знал свежего ветра.

Комната справа выглядела куда приветливее — просторное помещение с большим шкафом у стены и массивной кроватью, на которой без труда разместились бы двое взрослых. Рядом стоял стол, заваленный вещами: старые газеты, пустые чашки, стопка пожелтевших журналов. Артём сразу решил: здесь будут жить Катя с детьми.

У двери соседней комнаты уже разгорался спор. Таня и Саша, стоя друг напротив друга, оживлённо жестикулировали.

— Это моя комната! — настаивала Таня, скрепя руки на груди.

— С чего это? Я первый её увидел! — возражал Саша, делая шаг вперёд.

Артём подошёл ближе. Оба тут же обернулись к нему, взгляды полны ожидания — словно он был судьёй в этом негласном состязании. На мгновение он замер. В голове вихрем пронеслись мысли. Спать на диване с Таней — красивой, ухоженной, от которой всегда приятно пахнет... Или с Сашей — вечно потным, с неопрятной причёской и запахом несвежей одежды? Выбор, казалось, был очевиден. Но Артём всегда старался оставаться джентльменом.

— Таня, ты будешь жить здесь, — наконец произнёс он, указывая на комнату. — А мы с Сашей обустроимся на диване.

Саша недовольно скривился, но промолчал. Бросив косой взгляд на Артёма, он отошёл в сторону, нарочито громко шаркнув ногой. Таня, напротив, расцвела улыбкой. Её глаза на мгновение вспыхнули благодарностью.

— Спасибо, Артём, — тихо сказала она, слегка кивнув.

Он ответил тем же — коротким, почти незаметным кивком. В воздухе повисла странная смесь облегчения и лёгкой неловкости.

Артём медленно опустился на диван, который после месяцев сна на жёстком полу казался ему мягче облака. Каждая мышца его тела благодарно расслабилась, впитывая долгожданную мягкость. Рядом Саша включил телевизор — из динамиков доносились приглушённые голоса какого-то старого фильма, создавая иллюзию нормальной жизни.

Артём закрыл глаза, погружаясь в свои мысли. Неужели всё это правда? Неужели они наконец-то нашли место, где можно жить, не боясь за свою жизнь? Эти вопросы крутились в его голове, пока усталость не взяла верх, и он погрузился в глубокий сон.

Пробуждение было резким — Таня осторожно трясла его за плечо.

— Артём, просыпайся, — её голос звучал мягко, но настойчиво. — Уже время ужина.

Он сел, протёр глаза и огляделся. Все уже были готовы и ждали его. Собравшись, они направились в столовую — дорогу туда они запомнили хорошо, ведь именно оттуда начинался их путь в новый дом.

В столовой в этот раз было многолюдно. В воздухе витал аппетитный аромат жареного картофеля с луком, который смешивался с запахом дерева и тепла. За столами сидели люди всех возрастов: женщины в выцветших платьях, дети с блестящими от любопытства глазами, старики, чьи лица хранили следы пережитых испытаний, мужчины в рабочей одежде.

Звуки разговоров, детского смеха, звона посуды сливались в единую симфонию жизни, которая после стольких месяцев тишины казалась почти нереальной. Кто-то увлечённо рассказывал истории, кто-то молча ел, погружённый в свои мысли, а кто-то просто смотрел в тарелку, словно ища в ней ответы на все вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.